

О МАКСИМЕ МОИСЕЕВИЧЕ ВИНАВЕРЕ — ПОЛИТИКЕ, ОБЩЕСТВЕННОМ ДЕЯТЕЛЕ, ЛИТЕРАТОРЕ И ЦИВИЛИСТЕ

Вполне возможно, что ни книги М.М. Винавера (1862–1926), предлагаемые читателю в настоящем издании (одна — полностью, другая — в извлечениях), ни даже имя их автора современному молодому юристу неизвестны.

Тому есть причина.

М.М. Винавер — без скидок и преувеличений — был человеком выдающимся. И, как многие талантливые люди, личностью необычайно многогранной. Многогранной настолько, что написанное о нем в разных изданиях можно принять за рассказы о разных людях.

Прежде всего М.М. Винавер был крупным политическим деятелем пререволюционной России и ее первой послереволюционной эмиграции. Если вспомнить всерьез, какая политическая сила, какая политическая партия доминировала в России в начале XX века, то окажется, что это были не социал-демократы (тем более не большевики) и даже не социалисты-революционеры (эсеры), а Партия народной свободы. Более известная как Конституционно-демократическая партия (или проще — кадеты), она возникла в 1905 г. и сразу же на выборах в Первую Государственную Думу получила наибольшее число голосов избирателей и наибольшее число депутатских мандатов (179, тогда как социал-демократы — 18).

Одним из создателей кадетской партии и ее бессменных (как ска-зали бы тогда, «непременных») и самых ярких руководителей был

Помимо работ, на которые имеются ссылки в настоящей статье, при ее подготовке использованы сведения о М.М. Винавере, содержащиеся в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, Электронной еврейской энциклопедии, биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции», Википедии и других источниках. За помощь в подборе этих материалов автор благодарен С.И. Федорову, сотруднику Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

М.М. Винавер. Создание этой партии и претворение в России в жизнь ее демократических идеалов (Россия — республика, Россия — федерация, право крестьян на землю, которую они обрабатывают, равноправие всех российских граждан) М.М. Винавер считал главным делом жизни.

С этим, — возможно, как причина и, несомненно, как следствие — была связана та большая роль, которую М.М. Винавер на протяжении последних тридцати дореволюционных лет играл в России в национальном еврейском движении.

Талантливому перу М.М. Винавера мы обязаны несколькими книгами — свидетельствами важнейших событий в истории России в 1905—1919 годы.

М.М. Винавер был талантливым журналистом-литератором: он причастен (в разных ролях: создателя, учредителя, издателя, редактора) к изданию в России и в эмиграции по меньшей мере восьми или девяти периодических изданий, в основном толстых журналов.

М.М. Винаверу как политику и общественному деятелю посвящены не только многочисленные воспоминания, но и специальные работы¹.

Но в советское время все сделанное М.М. Винавером — «активным врагом советской власти» и «видным деятелем ряда буржуазно-националистических организаций» (так определяла его Большая советская энциклопедия) — оказалось под запретом. Постсоветская юридическая литература особого интереса к имени М.М. Винавера не проявила. Между тем прежде всего М.М. Винавер был юристом — его успехи политика и общественного деятеля в большой мере проистекали из превосходных профессиональных знаний, убеждения в силе права восстанавливать справедливость, отточенной логики, блестящих ораторских способностей, глубокого уважения к коллегам по юридическому сообществу. При этом мила его уму и сердцу юриста была прежде всего цивилистика.

Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы объяснить предпринимаемую публикацию его работ.

¹ М.М. Винавер и русская общественность начала XX века: Сб. ст. Париж: Impr. coopérative Étoile, 1937; *Солженицын А.* Красное колесо. Узел III. Март семнадцатого. Книга 1 (гл. 45) // *Солженицын А.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. М.: Время, 2008. С. 246—251; *Степанский А.* Максим Моисеевич Винавер // Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2007. С. 583—588 (значительное число приводимых мною фактов взято из этой отличной статьи).

Но есть еще одно обстоятельство, побудившее вновь обнаружить сегодня строки, появившиеся в печати столетие тому назад.

Историю науки (а тем самым, и собственную историю) обычно сводят к «первым именам». Таких имен среди современников М.М. Винавера было предостаточно: Г.Ф. Шершеневич и Л.И. Петражицкий, Д.Д. Grimm и И.А. Покровский, А.А. Пиленко и М.Я. Пергамент и другие. Но эти блестящие имена, делающие честь русской цивилистике и сегодня, выросли на почве большого научного сообщества, существовавшего благодаря творческому труду многих и многих менее известных деятелей, и не в последнюю очередь — благодаря огромному труду М.М. Винавера. Сегодня эта его роль автора множества статей и редактора, основателя и руководителя многих периодических изданий, инициативного организатора цивилистического сообщества и педагога уже малозаметна, но справедливость требует о ней напомнить.

Родился Максим Моисеевич Винавер (М.В.) 19 ноября 1862 г. в предместье Варшавы, в состоятельной семье владельца бакалейного магазина. Пяти лет его отправили в хедер (еврейскую школу), а в десять лет он поступил в 3-ю Варшавскую гимназию — одну из лучших в городе.

В 1881 г. М.В. поступает на юридический факультет Варшавского университета и оканчивает его в 1886 г. При этом на конкурсе студенческих работ он получает золотую медаль за труд «Исследование памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке». Вскоре эта монография издается на русском языке (1888), а затем на польском (1900)¹.

В 1886 г. М.В. сразу уезжает в Петербург и в 1888 г. поступает в число помощников присяжного поверенного округа Санкт-Петербургской судебной палаты. В этом качестве — помощника разных присяжных поверенных (в том числе известнейшего адвоката В.Д. Спасовича, автора ряда серьезных работ по уголовному и гражданскому праву) —

¹ *Винавер М.* Исследование памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке // Известия Варшавского университета. 1887. Кн. 5, 6, 8, 9; 1888. Кн. 1–5. С. 1–240, 1–IV. В 1888 г. работа была опубликована отдельным изданием. Судя по библиографии А.Ф. Поворинского (см. ниже, сн. 1 на с. 18), откуда взяты эти сведения (№ 1721), работа М.М. Винавера рецензировалась в целом ряде журналов: в «Русской мысли», «Юридическом вестнике», «Журнале гражданского и уголовного права» и даже в газете «Новости».

М.В. суждено пребывать 18 лет (!), до тех пор, пока в 1904 г. из закона не будет исключен запрет принимать евреев в присяжную адвокатуру.

Тем не менее уже к началу нового столетия М.В. занимает в петербургском профессиональном сообществе и в среде петербургской интеллигенции заметное положение: он удачно и остро ведет дела в высшей судебной инстанции — в Сенате, участвует в нескольких, по сути дела, политических (как сейчас сказали бы, резонансных) процессах, ведет все расширяющуюся литературную работу в повременных изданиях.

Яркая фигура профессионально сильного и энергичного юриста с открыто выраженными демократическими, либеральными убеждениями не могла не быть востребована русским обществом, идущим к своей первой революции.

* * *

В октябре 1905 г. М.М. Винавер становится одним из учредителей Партии народной свободы (Конституционно-демократической партии) вместе с Владимиром Дмитриевичем Набоковым (отцом писателя В.В. Набокова) и Павлом Николаевичем Милюковым, с которыми его жизнь будет связана до конца дней¹. М.В. председательствует на заседаниях учредительного и ряда последующих съездов партии, постоянно избирается в ее ЦК.

В начале 1906 г. М.В. в числе шести кандидатов от Петербургской губернии избирается депутатом Первой Государственной Думы и становится в Думе товарищем (т.е. заместителем) председателя кадетской фракции — самой либеральной в Думе.

Хотя жизнь М.В. будет и потом насыщена общественно весьма значимыми делами и поступками, время депутатства в Первой Государственной Думе и связанных с этим последующих событий 1906—1908 годов стало вершиной его политической карьеры. Он один из руководителей партии кадетов и ее фракции в Думе, работает в целом ряде партийных и думских комиссий, участвует в подготовке кадетских законопроектов (в частности, пишет объяснительную записку к про-

¹ В 1922 г. во время выступления П.Н. Милюкова в Берлинском лекционном зале перед аудиторией русских эмигрантов В.Д. Набоков закрыл его собой от пуль двух фашиствующих молодчиков и погиб.

екту закона о гражданском равенстве) и — что особенно важно — выступает с думской трибуны с программными заявлениями кадетов.

После выборов, 8 апреля 1906 г., М.В. делает на заседании ЦК партии доклад о плане ее действий в Думе. В официальном отчете ЦК было сказано, что «этот доклад... лег в основу всей тактики Конституционно-демократической партии в Первой Думе». На этом же заседании М.В. включают в особую комиссию для выработки четырех наиболее важных законопроектов: об отмене смертной казни, о гражданском равноправии и др.¹

27 апреля 1906 г. Николай II на торжественном приеме в Зимнем дворце депутатов Государственной Думы зачитывает с трона программно-напутственное обращение к ним. В основу ответного думского адреса легли положения упомянутого доклада М.В. Ответная реакция, заранее обрекающая прогрессивные думские начинания на провал, последовала в Думе в виде правительственного заявления — «министерской декларации». С ответом на нее выступил М.М. Винавер:

«В тронной речи, к нам обращенной, сказано было, что для преуспения страны недостаточно одной свободы — нужен и порядок. В ответ на это мы сказали Верховной власти, что ни свобода, ни порядок немислимы, доколе нет в стране гражданского равенства. Нельзя говорить о конституции, об ограждении личности от произвола, когда произвол сам собой, как злое зелье, вырастает на ниве бесправия. Нельзя говорить о контроле над должностными лицами, когда сам закон дает им возможность подавлять естественное право человека — считать себя равным со всеми людьми. В ответ на эти указания в декларации, представляющей из себя объемистый ответ, употреблена фигура умолчания. Здесь уже указывали, что наши министры не всегда знают, о чем говорят, но я думаю, они всегда хорошо знают, о чем им следует молчать»².

Императорским Манифестом 8 июля 1906 г. «Дума народного гнева» была распущена. Немедленно большая группа депутатов распущен-

¹ См.: *Степанский А.* Указ. соч. С. 585.

² Цит. по: там же.

ной Думы собирается в Выборге и выпускает знаменитое «Выборгское воззвание», призывающее общество до созыва новой Думы к гражданскому неповиновению, прежде всего путем отказа от уплаты налогов и от службы в армии по призыву («поставки рекрутов»).

М.В. участвовал в составлении «Выборгского возвания» и 10 июля 1906 г. вместе с другими подписал его. За это он был привлечен к уголовной ответственности и в 1908 г. приговорен к трехмесячному тюремному заключению, которое вместе с В.Д. Набоковым отбывал в петербургских «Крестах».

Свои итоги всех этих событий М.В. подвел в двух книгах: «Конфликты в Первой думе» (СПб., 1907) и «История Выборгского возвания» (Пг., 1917).

Вероятно, более неприятным, чем тюрьма, было для М.В. лишение политических прав, естественно, права избираться в Государственную Думу. Но он продолжает играть в партии кадетов весьма видную роль, в особенности при проведении выборов в четвертую Государственную Думу, становится заместителем председателя ЦК партии.

Сразу же после февраля 1917 г. М.В. участвует в определении тактики кадетов в новых условиях и делает доклад о ней на VII съезде партии (март 1917 г.). Он отказывается войти во Временное правительство, но принимает пост сенатора, входит в президиум особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание, а затем (3 октября 1917 г.) в так называемый «предпарламент», избирается гласным (депутатом) Петроградской городской думы.

На выборах в Учредительное собрание, которые начались уже после прихода большевиков к власти (12 ноября 1917 г.), М.В. избирается по Петроградскому столичному округу № 2 по списку партии кадетов. Но в ночь на 18 ноября его арестовывают как гласного распущенной большевиками Городской думы. Правда, через несколько дней, после допроса, его освобождают, но М.В., очевидно, острее других понимает суть происходящего: он уезжает в Москву и живет там уже на нелегальном положении. Здесь 27–29 мая 1918 г. на нелегальной кадетской конференции он выступает с докладом о внешнеполитическом положении.

По-видимому, вскоре М.В. уезжает в Крым, занятый белыми. Уже 15 октября 1918 г. он председательствует на совещании кадетских лидеров в Гаспре, затем 28–31 октября 1918 г. участвует в кадетской конференции в Екатеринодаре (Краснодаре), а 15 ноября вхо-

дит в состав созданного кадетами Крымского краевого правительства как министр внешних сношений (министром юстиции стал В.Д. Набоков). После короткого периода выступлений на митингах, тренировок с военным командованием и переговоров с представителями Антанты М.В. 15 апреля 1919 г. через Константинополь отправляется в эмиграцию во Францию¹.

Об этом времени М.В. оставил воспоминания «Наше правительство», посмертно изданные в Париже в 1923 г.

В Париже М.В. возглавляет комитет Парижской группы кадетской партии и прежде всего начинает с призывов к союзникам поддержать белое движение. Но уже вскоре главной целью он делает объединение всех демократических сил русской эмиграции, включая силы социалистические, т.е. эсеров. М.В. становится одним из основателей издаваемой П.Н. Милюковым газеты «Последние новости». В январе 1921 г. он участвует в парижском совещании оказавшихся в эмиграции членов Учредительного собрания. В кадетском движении он перемещается на левый фланг и входит в Демократическую группу Партии народной свободы – группу П.Н. Милюкова.

* * *

Судя по всему, жизненным призванием Максима Моисеевича Винавера было идейное и политическое лидерство в демократическом движении. А. Степанский в уже упоминавшейся статье приводит слова одного из членов кадетского руководства А.В. Тыркова: «Хороший оратор, умный, ловкий, искренний защитник правого строя... Винавер мечтал стать руководителем кадетской партии. Ему это не удалось. Не могло удалиться...»

Но к чести М.В. надо сказать, что он, достигший политических вершин в России, живший в мире ее интеллигенции, в мире крупных русских писателей и литераторов, никогда не пытался отстраниться от своего происхождения и от своей нации. Наоборот, с первых шагов на адвокатском, а затем политическом поприще делом своей жизни он сделал также и утверждение равноправия евреев в государстве и в русском обществе.

¹ Возможно, толчком к этому послужило то, что 6 апреля красные освободили от французов Одессу, после чего французские войска сразу же покинули Крым.

С начала девяностых годов М.В. деятельно участвует в работе «Общества для распространения просвещения между евреями в России» — в то время основной общественной организации, объединявшей еврейское движение в России. М.В. возглавляет Историко-этнографическую комиссию этого Общества и становится одним из редакторов его журнала «Восход». В 1899 г. Комиссия издает первое основательное исследование по истории евреев в России — «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России (80—1800 гг.)» (Т. I (до 1670 г.). СПб., 1899). Затем в 1908 г. Комиссия преобразуется в Еврейское историко-этнографическое общество под председательством М.В. и сразу же начинает выпускать журнал «Еврейская старина», а затем издает второй том «Регест и надписей» (Т. II (1671—1739 гг.). СПб., 1910).

Когда в начале девятисотых годов по России прокатывается волна еврейских погромов, М.В. вместе с другими известными русскими адвокатами принимает участие в так называемых «погромных процессах». По делу о Кишиневском погроме он выступает в Сенате¹. В процессе о Гомельском погроме М.В. во главе группы адвокатов представляет интересы потерпевших как гражданских истцов. Убедившись в предвзятости суда, адвокаты обвиняют суд в пристрастности и покидают зал. М.В. организует в Вильно защиту Блондеса, обвиненного в ритуальном убийстве².

В 1905 г. (25—27 марта) в Вильно под председательством М.В. проходит совещание еврейских общественных деятелей. Совещание решает образовать Союз для достижения полноправия еврейского народа в России, т.е. организацию, преследующую по существу уже политические цели. М.В. в течение двух лет участвует в руководстве Союзом, но затем выходит из него и образует Еврейскую народную группу. Скорее всего, причиной разрыва с Союзом стало убеждение М.В. в невозможности обособлять борьбу за гражданское равноправие евреев от общедемократического движения в России, прежде всего, конечно, кадетского.

¹ Отзвук участия М.В. в этом деле можно заметить в его статье «Вопросы кассационной практики» (разд. V), публикуемой в настоящем издании.

² Дело Блондеса возникло и рассматривалось намного раньше (1900—1902), чем шумевшее аналогичное дело Бейлиса (1912—1913). При первом рассмотрении фельдшер Давид Блондес был признан присяжными виновным в покушении на убийство своей кухарки с ритуальной целью и осужден. Сенат отменил этот приговор, и при новом рассмотрении дела Блондес был оправдан.

Оказавшись в эмиграции в Париже, М.В. уже осенью 1919 г. начинает издавать на трех языках газету «Еврейская трибуна» с главной целью привлечения внимания союзников и общественного мнения в Европе и в США к освобождению России и помощи белому движению.

* * *

Несмотря на загруженность политическими и общественными делами сверх меры, М.В. всегда оставался «действующим» юристом.

В течение всех тридцати лет петербургской жизни он был адвокатом и приобрел известность задолго до того, как был наконец принят в сословие присяжных поверенных в 1904 г.¹ В отличие от многих собратьев, М.В. был озабочен не публикацией своих судебных речей, а выполнением адвокатурой ее долга, ее состоянием, положением в государстве, в том числе в суде. Этим вопросам он посвящает ряд статей, которые потом собирает в книгу «Очерки об адвокатуре» (СПб., 1902) и дополняет брошюрой «Адвокатура и правовое государство» (СПб., 1905).

В 1905 г. на квартире М.М. Винавера в Петербурге и под его председательством состоялся первый Съезд адвокатов. Председательствовал он и на втором Съезде адвокатов, проходившем в Москве.

Оказавшись в эмиграции, М.М. Винавер начинает преподавать в Русском юридическом институте (факультете), который в 1923 г. был создан при Сорбонне по инициативе М.В. вместе с Б.Э. Нольде и др. М.В. читает там курс истории русского гражданского права.

Литературное научное наследие М.М. Винавера-юриста выглядит скромно. Единственной его работой, которую можно назвать монографическим исследованием, была упомянутая выше студенческая работа о памятнике польского обычного права XIII в. (правда, изданная дважды и на двух языках). На виду остались несколько статей, публиковавшихся в разных журналах и изданных автором в 1908 г. под общим названием «Из области цивилистики»².

Названия некоторых из этих статей скучны («Вопросы кассационной практики»), неинтересны («Заметки по конкурсному праву») или даже непонятны современному читателю («Чиншевое право»). Но если

¹ Небезынтересно, что одним из помощников присяжного поверенного М.М. Винавера был Я.М. Магазинер.

² *Винавер М.М.* Из области цивилистики. СПб.: Типография А.Г. Розена, 1908. 337 с.

читатель преодолевает такие заголовки, его удивят необычайно широкий круг интересов автора и энциклопедичность его знаний, позволяющая обсуждать каждый вопрос с полным проникновением в суть дела и в свойственном именно этому вопросу литературном жанре. В этой небольшой книжке есть все: и историческое, полудетективное исследование происхождения статей Свода законов гражданских («Об источниках X тома»), и протест против насильственного насаждения, пусть блестящего по замыслу и созданию, но чужого и чуждого права («Роль свидетелей в завещании», «Юбилей Наполеонова Кодекса»), и развенчание свобод от закона, которыми оградило свою гражданскую ответственность государство («Хартия вольностей казенных», «Гражданская ответственность должностных лиц»), и скрупулезный, постатейный анализ проекта Гражданского уложения («Общая часть обязательственного права в проекте Уложения»), и многое другое.

Что объединяет все это?

Прежде всего время и место: время — рубеж двух столетий, место — Россия на пороге первой революции и за этим порогом. Автор как бы стоит на развилке, к которой ведут три великие гражданские кодификации: Кодекс Наполеона, только что отпраздновавший первый столетний юбилей (1904), Германское гражданское уложение, только что принятое (1896) и вступившее в действие (1900), и результат огромного труда в течение двадцати с лишним лет — проект Гражданского уложения, которым никак не может разродиться Российская империя. Это тот период в отечественной цивилистике, когда ни один вопрос стало невозможно обсуждать без обращения ко всем этим источникам.

М.М. Винавер, вероятно, обостреннее других чувствовал проблемы гражданского права, о которых писал. Он вырос и учился в «Царстве Польском», где Кодекс Наполеона был действующим законом. Польский еврей в Российской империи, он, вполне успешный и состоятельный человек, вряд ли мог совсем погасить чувство тройного гнета: русского и польского антисемитизма, русского шовинизма в отношении поляков. Как адвокат, он всегда поверял теорию гражданского права реальными человеческими отношениями и за столкновением теории и реальности видел основную проблему — «закон — жизнь», а как крупный политик леволиберального толка видел в ней еще более важную проблему — «власть — человек».

Высокий профессионализм, острый ум и талантливое перо позволяют М.В. удивительным образом сочетать в своих статьях-эссе науч-

ное исследование с увлекательной журналистикой. Трудно не приводить в подтверждение этого многие места из его книги. Приведу хотя бы одно, где предлагается метод толкования как способ разрешения вечного противостояния окостенелости нормы (прежде всего нормы кодекса) и потребностей применения ее к бесчисленно различающимся жизненным ситуациям.

М.В. отталкивается от применения нормы закона римским юристом.

«Юридическое отношение для него существовало как нечто самоцельное, как бы движущееся по тем же побуждениям, по каким двигался живой субъект, от которого оно отделилось; отдельные части этого отношения связывались для него теми самыми психическими или социальными факторами-мотивами, которые породили их в душе живых людей. Юридические отношения дышали для него каждое особою жизнью; как отдельные самостоятельные существа, они оборонялись в своей целостности, «естественно» отталкивали части, им несродные, притягивали родственные.

Так римский юрист применял норму. И этот прием сохраняет все свое значение и при кодексе. Основую толкования служит живое ощущение коренных, повторяющихся мотивов человеческой деятельности и существенных элементов человеческого общежития — то, что можно было бы назвать внутреннюю логику юридических институтов. А кодекс не идет вразрез с этою внутренней логикой. В основах своих он всегда согласен с коренными побуждениями человеческой деятельности. Он может — вследствие близорукости непосредственных творцов его, вследствие случайных условий момента — игнорировать их, иногда и уродовать, но он не вступает с ними в сознательную коллизию. Кодекс есть гербарий, в котором засушены растения, иногда великолепно сохранившиеся, иногда скомканные, случайно поврежденные. <...> Главное — нужно уметь восстанавливать истинные образы поврежденных или недоразвитых тел.

Этот процесс восстановления живых тел, составляющий саму душу применения норм, был, есть и навсегда